

УДК 811'276:398.224(=512.153)
DOI 10.25587/v7085-9383-3056-d

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ БОГАТЫРСКОГО ВИДЕНИЯ МИРА: на материале героического сказания «Албынчы»

Аннотация. Данная статья является продолжением цикла статей, посвящённых лингвистическому описанию основных видов восприятия окружающего мира в хакасских фольклорных текстах. Цель статьи – выявление и описание лексических и структурных особенностей отражения богатырского видения мира в языке. Материалом семантико-когнитивного анализа послужили глагольные лексемы, выражающие зрительное восприятие, собранные методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». Всего в тексте мы насчитываем 137 случаев языковой реализации концепта «зрительное восприятие». При этом в анализируемых контекстах действующим индивидом, соответственно, субъектом восприятия, является богатырь/богатырша, поэтому в исследовании перцептивных процессов рассматривается позиция этих главных эпических героев, в чём и заключается когнитивный аспект данного исследования. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью концепта «зрительное восприятие» в других тюркских языках, а также отсутствием работ по исследованию данного концепта на материале фольклорных текстов. Новизна проведённого исследования заключается в том, что впервые в семантико-когнитивном и лингвокультурологическом аспектах описывается богатырское видение мира на материале героического сказания, как фрагмента фольклорно-языковой картины мира.

В хакасском языке репрезентация зрительного восприятия, по нашим сведениям, осуществляется 10 глагольными единицами. Однако в тексте героического сказания «Албынчы» используется только один глагол **кёр-** «смотреть; видеть», в некоторых контекстах прослеживается его сочетание с другим глаголом зрительного восприятия **хара-**, характеризующим процесс зрительного восприятия. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что глагол **кёр-** «смотреть; видеть» имеет богатый лексический, грамматический, синтагматический потенциал и обеспечивает всё необходимое когнитивное представление о зрительном восприятии окружающего мира во всём его многообразии. Фольклорно-языковая система хакасов имеет очень много неизученных, неразгаданных, а от того и интересных в лингвокультурологическом плане концептуальных полей. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

Ключевые слова: героическое сказание «Албынчы», Семён Прокопьевич Кадышев, хайчы, богатырь, зрительное восприятие, концепт, глагол **кёр-** «смотреть; видеть», семантика, сочетаемость, хакасский язык.

М. Д. Chertykova, A. D. Kaksin

Linguistic expression of hero's visual perception: the case of the *Albynchy* heroic legend

Abstract. This article is a continuation of a series of articles devoted to the linguistic description of the main types of perception of the world in Khakas folklore texts. The purpose of the article is semantic-cognitive analysis,

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: chertikova@yandex.ru

КАКСИН Андрей Данилович – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

identification and description of the lexical and structural features of the reflection of the heroic vision of the world in language. The material of semantic and cognitive analysis was verbal lexemes expressing visual perception, collected by the method of continuous sampling from the text of the Khakas heroic legend *Albynchy*. In total, in the text we have 137 cases of linguistic implementation of the concept of «visual perception». Moreover, in the analyzed contexts, the active individual, respectively, the subject of perception, is the hero/heroine, therefore, in the study of perceptual processes, the position of these main epic heroes is considered, which is the cognitive aspect of this study. The relevance of our study is due to the insufficient study of the concept of “visual perception” in other Turkic languages, as well as the lack of work on the study of this concept on the material of folklore texts. The novelty of the study is that for the first time in the semantic-cognitive and linguoculturological aspects the heroic vision of the world is described on the basis of heroic legends as a fragment of the folklore-linguistic picture of the world.

In the Khakas language, the representation of visual perception, according to our information, is carried out by 10 verb units. However, the text of the heroic legend *Albynchy* uses only one verb **кӧр**- “look; see”, in some contexts its combination with another verb of visual perception **хара**-, characterizing the process of visual perception, can be traced. The study allows us to conclude that the verb **кӧр**- “look; see” has a rich lexical, grammatical, syntagmatic potential and provides all the necessary cognitive representation of the visual perception of the world in all its diversity. The folklore-linguistic system of the Khakas has a lot of unexplored, unsolved, and therefore interesting in terms of linguoculturological conceptual fields. We believe that this topic has a good linguistic potential and perspective for future research.

Keywords: the heroic legend *Albynchy*, Semen Prokopievich Kadyshv, khaichi, hero, visual perception, concept, verb **кӧр**- “look; see”, semantics, compatibility, Khakas language.

Введение

Язык фольклорного текста, как средство формирования и хранения многовековой народной мудрости и национальной культуры этноса – носителя конкретного языка, представляет собой своеобразное и сложное стилевое построение в системе жанров устного народного творчества. Исследование данного языкового феномена, отражающего фрагменты национальной картины мира, позволяет выявить накопленные знания и исторические информации, имплицитные в границах данного жанра. «Язык фольклора – это система языковых единиц различного уровня, сложившаяся в процессе художественного творчества в пределах текста устно-поэтического произведения» [1, с. 17]. Памятники устного народного творчества характеризуются наличием традиционных готовых и обработанных способов их передачи из поколения в поколение. Однако здесь присутствует некая незначительная изменчивость коммуникативного плана. В процессе передачи фольклорных сокровищ особую роль играют исполнитель и его слушатели. Эти слушатели впоследствии являются потенциальными исполнителями (рассказчиками) фольклорного текста. М. А. Венгранович пишет, что слушатель, на определённом этапе становясь исполнителем услышанного когда-то фольклорного текста, при его воспроизведении вносит в него – под воздействием новой ситуации и нового состава слушателей – свои изменения, таким образом создаёт новый вариант единого гипертекста [2, с. 64]. Об этом же пишет и известный фольклорист В. Я. Пропп: «Если читатель литературного произведения есть как бы лишённый всяких полномочий бессильный цензор и критик, то всякий слушатель фольклора есть потенциальный будущий исполнитель, который в свою очередь – сознательно или бессознательно – внесёт в произведение новые изменения» [3, с. 23]. Подтверждением сказанному является тот факт, что хакасское (и не только хакасское) исполнительское искусство дошло до нас посредством передачи из поколения в поколение. Почти все хакасские исполнители героических сказаний являются потомственными сказителями – *хайчы/хайджи*. Таким образом, отражающие мировоззрение конкретного этноса фольклорные образы с течением времени закрепляются определёнными словесными формулами: в некоторой степени происходит изменение в семантической тональности, грамматических и синтаксических формах. «Став средством формирования, существования и хранения канонического искусства, язык фольклора замедляет темпы изменений, что приводит к накоплению архаизмов различного типа, которые постепенно начинают осмысляться как средство эстетическое, а это отзывается на всех других ярусах устно-поэтической речи. Сложность в том, что система языка фольклора неоднородна» [2, с. 12]. Надо отметить, несмотря на различного рода трансформации фольклорного текста,

происходящие по требованиям времени, в целом остаются неизменными его идейная, внешняя и внутренняя основы. С другой стороны, если в один период времени разные рассказчики исполняют определённое фольклорное произведение, то можно судить о его распространённости (популярности) и народности. В. Е. Майногашева считает, что «сбор нескольких сводных вариантов эпоса необходим не только для изучения творческой индивидуальности того или иного сказителя, но и для изучения творческой истории эпоса. Он мог бы помочь выявить, развивается ли эпос в данное время, относятся ли сказители к эпосу, как к произведению, которое законсервировалось, или продолжает развиваться» [4, с. 78]. Автор данных строк сожалеет, что хакасское героическое сказание «Албынчы» записано только от одного известного сказителя Семёна Прокопьевича Кадышева. Из-за отсутствия его сводных вариантов невозможно судить, насколько оно было популярным в народе [4, с. 78]. Но героическое сказание «Албынчы» было истинно народным произведением, о чём свидетельствует его содержание, где главным героем является богатырь Албынчы, сын злого богатыря Хулатая и чудовища – богатырши Узут Арыг. Он «с малых лет испытал страдания и лишения. Бедняк, не имеющий даже имени, он в поисках народного счастья» [5, с. 6]. Однако Албынчы всем сердцем любил свой народ и свою землю, ради них и боролся с чёрными силами. Сказание завершается победой Албынчы и ликованием освобождённого народа. Идейность содержания данного героического сказания отвечает на вопрос: кем же создавались эти памятники устного народного творчества: простым народом или верхушкой – аристократией общества тех древних времён. И Семён Прокопьевич Кадышев, подаривший новому поколению героическое сказание «Албынчы», был народным *хайджи*. Как описывают в Предисловии его первого издания В. И. Доможаков и И. С. Кычаков, в деревне по вечерам в каком-либо доме или в тёплое время года в юрте, собиралось много народа, чтоб послушать его песни и сказки. Его пение всегда сопровождалось звуками *чатхана* – хакасского семиструнного музыкального инструмента. Сам Семён Прокопьевич обычно говорил: «Для меня конь – чатхан. Путнику необходим конь, а сказителю – чатхан» [5, с. 5].

История записи и издания героического сказания «Албынчы» изложена в статье Т. Г. Тачеевой [6, с. 201]. Как мы знаем, в первые же годы после создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) научные сотрудники вели активную и плодотворную работу в плане подготовки и издания школьных грамматик и словарей. Также совершались многочисленные экспедиции в отдалённые деревни Хакасии с целью сбора языкового и фольклорного материала. В 1948 г. Семён Прокопьевич Кадышев (родился в деревне Трошкино Ширинского района) был приглашён ХакНИИЯЛИ в Абакан, поскольку среди других сказителей он отличался своей одарённостью и богатством репертуара. В первый же вечер в квартире директора института Николая Георгиевича Доможакова Семён Прокопьевич исполнил сказание «Албынчы» (в народе оно известно под названием «Хулатай»). Его слушали писатель-фольклорист А. Я. Гуревич, хакасский писатель, хороший знаток фольклора своего народа М. Е. Кильчицаков и др. А. Я. Гуревич слушал его очень внимательно. На второй день фольклорист снова попросил исполнить это сказание. Семён Прокопьевич снова исполнил сказание о популярном богатыре Албынчы. Было решено, что сказание нужно записать и издать на хакасском и русском языках. Сказание записал хакасский учёный, педагог Дмитрий Иванович Чанков. На русский язык перевел И. С. Кычаков. И это стало первым сказанием хакасского народа, опубликованным в русском поэтическом переводе. И в 1951 г. вместе со сказанием «Ах ой аттыг Алып Хан» («Хан Богатырь с бело-буланой лошадей»¹), записанным Н. Г. Доможаковым от сказителя Семёна Прокопьевича, был издан в одном сборнике [6, с. 201].

Глагольная репрезентация богатырского видения мира

В своей статье мы ставим целью семантико-когнитивный анализ, выявление и описание лексических и структурных особенностей отражения богатырского видения мира в языке. Материалом семантико-когнитивного анализа послужили глагольные лексемы, выражающие зрительное восприятие, собранные методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». Всего в тексте мы насчитываем 137 случаев глагольной репрезентации концепта «зрительное восприятие».

¹ Перевод автора.

Во всех контекстах субъектом процесса зрительного восприятия выступает богатырь/богатырша, поэтому когнитивный аспект нашего исследования предусматривает видение мира с позиций главных героев нашего эпоса – богатырей. Анализ нашего материала показывает такие случаи выражения семантического субъекта в предложении:

А) Имя богатыря/богатырши: *Одырып Хан Мирген көр турза, / Күп төзектің алнында / Торғы көзеңе түс партыр* [7, с. 34] ‘Хан Мирген, сидит и видит, перед мягкой постелью, / Оказывается, упал шёлковый занавес’¹. *Алтын Теек ах өрге ибдең сых килген, / Алтын кірлезінің үстүнде / Мыны көріп турчададыр* [7, с. 47] ‘Алтын Теек вышел из белой ханской юрты, / на золотом крыльце / Стоит и смотрит на всё это’. Большая часть примеров с глаголами восприятия представлена такими повествовательными предложениями, т. е. в виде художественных описаний от лица говорящего – наблюдателя.

Б) Грамматические средства, в частности, личные синтетические формы сказуемости, при этом «сказуемость является речевым выражением акта мысли и потому составляет основу предложения» [8, с. 16]. Как показывает наш материал, в выражении зрительного восприятия представлены все три формы лица, но превалирует, в основном, форма третьего лица единственного числа. Показатели первого и второго лица указывают на то, что действие (в нашем случае, зрительное восприятие) совершается говорящим, это значит, что в тексте слова богатыря/богатырши включаются в прямую речь: *Хан Чачах нандыр тур: – Улуг ойынга парганча, Албынчы абаамның / Ах хуу тайагын паза ай үлгүзі меспегін көрерчікпіс* [7, с. 101] ‘Хан Чачах отвечает: – Чем идти на большое состязание, мы бы посмотрели белую трость и луноподобную булаву дяди Албынчы’. *Хулатай тура сегірген: – Адыр тохта, ала хас, / Синдег ала хасты мин / Алында даа көрчеңмін* [7, с. 30] ‘Хулатай вскочил: – Ну, погоди, пёстрый гусь, / Таких пёстрых гусей, как ты, / Я видел и раньше’.

В) Если же субъект не называется в предложении, то обширный контекст, однозначно, подразумевает его присутствие: *Көзеңені көдіріп көрібіссе, / Хыс кізі узунчадыр* [7, с. 34] ‘Подняв занавес, видит, / Спит девушка’. *Күмүс осхас сөдктері, күнге сусталып, / Анда көрініп, анда чадыпчададыр* [7, с. 112-113] ‘Сверкая на солнце, [его] серебристые кости **виднеются** там (буков. виднеясь, там лежат)’. Подобные предложения, являясь незаконченным высказыванием, представляют собой часть широкого контекста – описания одной ситуации или события.

Среди пяти видов восприятия человеком окружающего мира (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) наиболее действенным считается зрительное восприятие. Человек получает значительный объём информации из внешнего мира благодаря способности видеть. Помимо того, в освоении человеком окружающего мира «зрительное восприятие является одним из основных каналов приёма, обработки и передачи информации» [9, с. 140]. Языковая репрезентация зрительного восприятия также характеризуется разнообразием лексических обозначений, особенно, в глагольной сфере. Тем самым глаголы со значением зрительного восприятия отражают один из наиболее важных для человека видов перцептивной деятельности – восприятие окружающего мира органом зрения – глазами. В хакасском языке базовым глаголом со значением зрительного восприятия является *көрерге* (*көр-*): 1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за *кем-л.*; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*; 5) сознать, понимать *что-л.*; 6) находить, считать *кем-л., чем-л.*, принимать за *кого-л.*; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию): *көріңердек се аны посмотри-ка на него*; 9) *вводное слово* (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* на мой взгляд [10, с. 205-206]). Данный глагол в различных фонетических вариантах представлен во всех тюркских языках (тув. **көөр-**; як. **көр-**; кырг. **көр-**; азерб. **гөр-**; тур. **qög-** и т. д.), где его первоначальное значение «смотреть, видеть» получило семантическое развитие в вариантах: «испытывать», «ухаживать», «считать», «оценивать». Однако в Древнетюркском словаре семантика данного глагола представлена несколько иначе: 1) видеть, смотреть; 2) повиноваться, подчиняться; 3) испытывать, иметь; 4) слушать, воспринимать; 5) загадывать; 6) в *знач. служ. глаг.* [11, с. 317].

¹ Здесь и далее – перевод автора.

Семантико-синтагматические способы выражения зрительного восприятия глагола *кӧр*- «смотреть; видеть»

Для описания перцептивного действия в тексте героического сказания «Албынчы», почти во всех (как было отмечено выше, в 136 из 137) случаях используется глагол *кӧр*- «смотреть; видеть», исключение составляет только один пример с глаголом *пахла*- в значении «высматривать».

Наиболее часто встречается данный глагол с аффиксом условного наклонения *-са/-се; -за/-зе*: *Сыгара ойлап киліп, кӧрїбіссе, / Аран-чула хара хула ат / Ат сомы ах тас пол нарыбыстыр* [7, с. 14] ‘Когда, выбежав, **посмотрел**, / То богатырский вороной конь, / Оказывается, превратился в белый камень лошадиной формы’. *От отахтың кистіне нас киліп, кӧр турза, / Ұс азыр настығ ах сип ӧс парған турча* [7, с. 25] ‘Когда обошла шалаш, **видит**, / Что выросла белая сарана с тремя вершинами’.

Выражение отношений обусловленности условными конструкциями – придаточными частями простых и сложных предложений – это частое явление в тюркских языках. «Форма на *-са* обслуживает блок темпоральных конструкций, выражая временные отношения между событиями; и блок конструкций обусловленности, передавая семантику условия совершенного действия» [12, с. 95-96]. Подобные предложения в функционально-синтаксическом аспекте активно исследуются в сибирских тюркских языках [13, 14 и др.]. Условные зависимые конструкции с формой на *-са* (в нашем случае – с глаголом *кӧр*- «смотреть; видеть») в составе сложноподчинённых предложений не всегда передают семантику причинную, временную связанность двух событий. В Грамматике хакасского языка отмечается, что глаголы *кӧр*- «смотреть; видеть» и *ис*- «слушать; слышать» в форме условного наклонения могут передавать действия относительно настоящего времени, не являющегося условием: *Иссем: аны адабинчалар* (ЛЧ) – **Слышу**: его не называют. *Чахсы кӧр кӧрзе: сосхалар* (МО) – **Когда посмотрел** хорошенько: свиньи. Иногда значение настоящего времени в этих случаях усиливается добавлением к основе аффикса настоящего времени *-чат/-чет*: *Кӧрчетсем: хойнында толдыра книгалар* (ЛЧ) – **Смотрю**: полные руки книг. *Истїнчетсе, избертін ұн истїлче* (ЛЧ) – **Слышит**: из дома слышится голос [15, с. 193]. Наши примеры из героического сказания «Албынчы» подтверждают данный тезис: субъект является непосредственным свидетелем происходящего действия, т. е. действие происходит на его глазах: *Чарых Кӧӧк хыс, оңнап, сынап, кӧр турза, / Кӱн харагы, чабырылып, тӱс пари, / Иир тузы кил чидїбістір* [7, с. 29] ‘Девушка Чарых Коок спохватилась и **видит**, / Что солнце ушло вниз, / И наступает вечер’. *Алтын чечте тӧзіне нас киліп, кӧр турза, / Хара хула ат чит киліп турча* [7, с. 55] ‘**Когда** [он], подойдя к золотой коновязи, **посмотрел**, / Вороной богатырский конь, вернувшись, стоит’. *Алтын Поос кӧр турза, / Хулатайның хара хула ады пу тур салтыр* [7, с. 56] ‘**Когда посмотрела** Алтын Поос, / Оказывается, стоит богатырский вороной конь Хулатая’. *Анаң, кӧрїп турза, / Хулатайның хара хула ады мында турыпча* [7, с. 56] ‘Затем **смотрит**, / Вороной богатырский конь Хулатая стоит здесь’. Как видим из приведённых примеров, глагол *кӧр*- «смотреть; видеть» в форме на *-са* является связующим звеном между главным и придаточным (зависимым) частями предложения (когда посмотрел, ...), ориентированным на указание какого-либо определённого события или явления. Событие же происходит вне зависимости от семантического субъекта, который является только его свидетелем.

Глагол *кӧр*- «смотреть; видеть» в качестве основного предиката придаточной части предложения часто принимает аффикс совершенного вида *-їбіс-*, вносящего в его семантику неожиданность и завершённость действия. Главная же часть сложноподчинённого предложения описывает различные картины, внезапно представшие перед взором богатыря/богатырши. Это может быть:

а) один из персонажей героического сказания: *Алып Хан Хыс кӧрїбіссе, <...> / Арығ сіліғ ир пала тур салтыр* [7, с. 56] ‘**Когда** Девушка Алып Хан **посмотрела**, <...> / Стоит красивый мальчик’. *Хулатай, тулагазын аза тартып, кӧрїбіссе, <...> / Тіріг ле хоргыстығ ниме турчадыр* [7, с. 48] ‘**Когда** Хулатая, открыв забрало, **посмотрел**, <...> / Стоит очень страшное чудовище’;

б) какое-либо событие или ситуация: *Алып Хан Хыс чачазы кӧрїбіссе, / Хан Мирген хайдагда нимені / Кӧдїрїп кир килген* [7, с. 36] ‘Когда [его] тётя богатырша Хан Хыс **посмотрела**, / Хан Мирген с собой что-то / Затащил в дом’. *Олар, ізік азып, кӧрїбісселер, / Хара хула аттығ*

Хулатай иһин түс кили, / Ахсына ах хозан ызырын салтыр. / Ах хозан ызырын салган тһн көрзелер, / Ээгһнһ сагалы хурчаһаа чит парыбысхан [7, с. 122-123] '**Когда** они, открыв дверь, **посмотрели**, / Хулатай на своём вороном коне скачет со стороны хребта, / Во рту держит белого зайца. / Когда им показалось, что у него во рту белый заяц, / На самом деле оказалось, что его борода выросла до пояса';

в) результат какого-либо свершившегося действия: *Тһн Хара көрһбһссе, сарсых харахтыг тас / Угаа чабал сырайлыг пол парыбыстыр* [7, с. 80] '**Когда** Тун Хара **посмотрел**, одноглазый слуга / Превратился, оказывается, в чудовище'. *Алып Хан Хыс, һзһк азып, көрһбһссе, / Ёс азахтыг хара нһи <...> / Орты хабыргача хара чирге кире түс парган тур* [7, с. 58] '**Когда** Девушка Алып Хан, открыв дверь, **посмотрела**, / Трёхногая чёрную кобылицу <...> / Засосала в землю до половины рёбер'.

Отличительной особенностью рассмотренного зрительного восприятия богатырей является то, что для них объект восприятия бывает неожиданным. Данный признак обозначается соответствующими грамматическими и синтаксическими средствами:

а) аффиксом совершенного вида *-һбһс-*. *Пас частыгын көрһбһссе, / Ах хуу тайахтың орнына хуу хобырах, / Алтын меспектһн орнына тһк меспек* [7, с. 105] '**Когда посмотрел** в сторону постели, / Вместо серой трости – серая дудочка, / Вместо золотого мяча – шерстяной мяч';

б) формой прошедшего заглазного действия на *-тыр* сказуемого главного предложения, обозначающей «действие, совершившееся в неопределённом прошлом времени вне наблюдения говорящего» [15, с. 219]. Богатырь же узнаёт (или догадывается) об этом, «сопоставив ряд факторов, косвенно указывающих на совершение действия (момент умозаключения)» [15, с. 219]. Обычно такие формы переводятся на русский язык как «оказывается»: *Хулатай, ноо нһме тапсапч тһн, көрһбһссе, / Ёзһт Арыг, ну турып алтыр* [7, с. 62] '[Он] **посмотрел**, [чтоб узнать], с кем разговаривает Хулатай, [и увидел], **оказывается, стоит** Узут Арыг';

в) синтаксическими средствами описания каких-либо действий богатыря, предшествующих его зрительному восприятию объекта: *Аны хаап, Хулатай сыгара ойлаан, / Көрһбһссе, ала хас иртһре учух парыбыстыр* [7, с. 31] 'Схватив его, Хулатай **выбежал**, / И увидел, оказывается, пёстрый гусь уже пролетел мимо'. *Ала хас хустың аңдарылган чирһне / Чит килһн, көрһбһссе: <...> / Арыг сһлһг хыс орта-чара атырыбысхан чадыр* [7, с. 31] '**Когда он подошёл к месту**, / где упал пёстрый гусь, / Видит: лежит красивая девушка, раненая'.

Глагол **көр-** «смотреть; видеть» ещё может служить условным показателем связи между придаточным и главным частями предложения в аналитической форме: в сочетании с вспомогательным глаголом **тур-** «быть», подчёркивающим длительность зрительного акта. Также аналитическое сочетание *көр(һн) турза* (смотрит, ...) предполагает в качестве объекта различные картины, доступные взору субъекта (богатыря). Это может быть:

а) селение, ханская белая юрта, ханский дворец: *Көр турза, от отахтың орнында / Алты азыр настыг ах өрге турча* [7, с. 27] '**Смотрит**, на месте травяного шалаша / Стоит **белый ханский дворец** с шестью башнями'. *Иди көрһн турза, һкһнчһзһгһ турча* [7, с. 74] 'Тогда [он] **увидел** вторую **дверь**';

б) пейзаж: *Көр турза, хастах настыг / Час тайга турыпчададыр* [7, с. 33] '**Смотрит**, черноголовая / Молодая **тайга** кругом (букв. стоит)'. *Аархы сарин харап, көрһбһсселер, / Ах чазы хуба сһл турыпчадыр* [7, с. 77] '**Когда** посмотрели в дальнюю даль, / Белая безжизненная **степь** лежит';

в) необычное явление – один из персонажей героического сказания: *Хан Мирген амды көрһн турыбысхан. / Көрһн турза, ёс азахтыг хара нһиге алтан салган / Угаа хоргыстыг нһме турча* [7, с. 40] 'Хан Мирген встал и **смотрит**. / Видит, верхом на трёхногой чёрной кобылице / Страшное **чудовище** стоит';

г) результат свершившегося действия: *Оңнап-сынап көр турза Албынчы, / Тогыс хулас сынныг хара хула атха / Алтан салган адазы Хулатай килһбһстһр* [7, с. 106] 'Албынчы **смотрит и догадывается**, / Оказывается, **приехал** [его] отец Хулатай, / На [своём] девятисаженном вороном коне'.

В таких предложениях часто описываются действия богатырей, хронологически предшествующие их зрительному восприятию какого-либо объекта. Объектом зрительного восприятия

выступают описания каких-либо событий и ситуаций. Действия же богатырей совершаются для создания более благоприятных условий для этого восприятия, например:

а) подойти поближе и посмотреть: *Пас килін, көр турза, / Хан Мирген иренчі тудызып турлар* [7, с. 56] ‘Когда, подойдя, посмотрел, / Хан Мирген дерётся с супругой’;

б) открыть дверь (или выйти из юрты) и посмотреть: *Албынчы, ізік азып, көріп турза, / Хасхачанда ах чазыда урунган / Ах Ханның палазы – ах ой аттыг / Ай Мирген, иніп, тўс килир* [7, с. 123] ‘Когда Албынчы, открыв дверь, посмотрел, / [Стоит] Ай Мирген на бело-сивом коне, / Сын Ах Хана, / Которого он когда-то встречал в чистом поле, / Идёт со стороны хребта’;

в) зайти в белую ханскую юрту и посмотреть: *Арыг күннің харагы сыхханда, / Хан Мирген ах өргезінең сығып, / Алып Хан Хыс пичезінің / Ах өргезіне кіріп, көр турза, / Кичее хайди чатхан Хулатайнаң Алып Хан Хыс, / Сах ідők хучахтасханнаң узупчададырлар* [7, с. 67] ‘Когда взошло солнце, / Хан Мирген, выйдя из своей белой юрты, / И, зайдя в белую юрту [своей] сестры Девушки Алып Хан, / Видит, / Как вчера, лежали Хулатай с Девушкой Алып Хан, / Сегодня точно также спят, обнявшись’.

Чуть реже, чем в форме условного наклонения, глагол **көр-** «смотреть; видеть» употребляется в качестве деепричастия путём присоединения к основе соединительного аффикса *-in*. Как и в случае функционирования в форме условного наклонения, глагол **көр-** «смотреть; видеть» в качестве деепричастия (*көріп* «смотря; увидев») служит соединительным звеном главной и зависимой частей сложноподчинённого предложения. *Ўзүт Арыг ічезі көр салып, тура сегірді: / – Иркем-кинчем, Албынчы, / Пу чирге чидібők килдің ме?* [7, с. 118] ‘[Его] мать Узут Арыг, увидев, соскочила: / – Душа моя, Албынчы, / Ты тоже добрался до этой земли?’.

Употребление глагола **көр-** «смотреть; видеть» в роли деепричастия, связывающего главную и зависимую части сложноподчинённого предложения, может указывать на то, что описываемые в них действия происходят одновременно: *Пу чуртха амды читтім, / Хыс паланы пу чуртта көріп, / Арга чонга той идерге сагын турбын* [7, с. 97] ‘Я сейчас добрался до этого дома, / Смотря на девушку в этом доме, / Я намереваюсь устроить пир для трудового народа’. *Төңіс талай сугны көріп, турыбыстылар* [7, с. 70] ‘Стоят и смотрят на большую широкую реку’.

Однако чаще деепричастие *көріп* «смотря; увидев» выражает действие, предшествующее действию, выражаемого основным глаголом в главной части предложения, т. е. выражаемое им действие является причиной совершения другого действия. Об этом же пишет А. Д. Каксин: «Процесс восприятия мира и окружающей действительности является основным видом жизнедеятельности человека. Другие виды его деятельности: мыслительная, эмоциональная, трудовая, поведенческая и др., являются вторичной формой взаимодействия с внешним миром; изначальной же формой является его восприятие явлений и фактов действительности, которые могут послужить для дальнейших его действий» [16, с. 163]. Тем самым зрительное восприятие некоего объекта влияет на психическое состояние богатыря/богатырши, и увиденное может вызывать:

а) определённые эмоции: *Аны көріп, аны піліп, Алтын Көөк Хыс / Харах чазын хан ит турадыр, / Харых суун нус ит турадыр* [7, с. 14] ‘Девушка Алтын Коок, / Увидев это и поняв в чём дело, / Сильно рыдала (букв. слёзы превращает в кровь, / Жидкость из носа превращает в лёд)’. *Алыттарның сөдгін көріп, / Харах чазын хан ит турадыр, / Харых суун нус ит турадыр* [7, с. 113] ‘Увидев кости богатырей, / Сильно рыдает (букв. слёзы превращает в кровь, / Жидкость из носа превращает в лёд)’. *Хан кізі, Кілің хан / Ирнің чахсызы Албынчыны көріп, / Хорых турадыр, чалтан турадыр* [7, с. 97] ‘Увидев мужчину – молодца Албынчы, / Килин Хан / Побаивается и страшится’. *Ікі алып, хара хула атты көріп, / Анда таңнап, чапсып тур халдылар* [7, с. 70] ‘Два богатыря, увидев вороного богатырского коня, / Стоят, удивляясь и восхищаясь’;

б) активацию мыслительных способностей: *Ирнің күлүгі Хан Мирген, / Игір обааны көріп, сагын тур: / Ибнің ээзі пар полза, / Суға парган полбас па за* [7, с. 33] ‘Молодец – мужчина Хан Мирген, / Смотрит на белую стелу и думает: / Если хозяин дома здесь, то наверно ушёл за водой’;

в) высказывания богатырей об увиденном: *Аргалыг сынга сыгара ойлат пари Хан Мирген. / Алыттар көріп, тўкүріктері ам на тоолас тур: / – Хан Миргенек не хайдаг, – тісчелер* [7, с. 45]

‘Хан Мирген на коне скачет в гору. / **Смотря** на него, богатыри слюнями брызжат, / и **говорят**: – Это разве Хан Мирген’.

Как свидетельствует наш материал, богатыри/богатырши на определённые явления и события в окружающем мире большей частью реагируют на эмоциональном уровне. Описания же воздействия объекта на их мыслительные, физические и другие рецепторы представлены лишь по одному примеру.

Деепричастная форма глагола **көр-** «смотреть; видеть» (*körin*) также может обозначать действие, совершающееся одновременно с действием, выраженным главным глаголом. *От отахтың істінде / Чадыпчатхан хыс пала, / Харааң көрiп, азааң пазып, / От отахтаң сығып килерзің* [7, с. 23] ‘Девочка, лежащая в травяном шалаше, / **Открыв глаза** и наступая ногами, / **Выйдешь** с этого шалаша’. *Албынчы айап турадыр, / Гчезі осхас Ай Арыгны көрiп* [7, с. 120] ‘Албынчы, **смотря** на Ай Арыг, / **Жалеет** её’.

Глагол **көр-** «смотреть; видеть» активно участвует в формировании различных императивных выражений, как составной части речевой коммуникации богатырей. Данный глагол также используется в слитном написании побудительной частицы *-дек*: *көрдек* (которая соответствует русскому «-ка, ну-ка»: *посмотри-ка*) и выражает смягчённое приказание или настойчивую просьбу, что предполагает форму второго лица единственного числа. Мы отмечаем следующие характерные особенности использования глагола *көрдек* «посмотри-ка» в предложении:

а) употребление в составе прямой речи, что представляет собой призыв посмотреть на *что/куда-либо*: *Көрдек, Хан Мирген, алтын чечпе төзінде / Аран-чула ат читкен осхас* [7, с. 55] ‘**Смотри-ка**, Хан Мирген, возле золотой коновязи / Богатырский конь вернулся, оказывается’. *Харахтыг кизи, син көрдек, / Мынча чыылган алыпта тізі кизи пар ба?* [7, с. 82] ‘Ты зрячий человек, **посмотри-ка**, / Среди собравшихся богатырей есть ли женщина?’;

б) обращение к богатырю/богатырше по имени в диалоговой речи: *Пиче кизи, Алып Хан Хыс, көрдек, / Хулатай хайди чабаллан тур* [7, с. 65] ‘Сестра, Девушка Алып Хан, **посмотри-ка**, / Как гневается Хулатай’. *Көрдек, Хулатай, Алып Хан Хыс пичем / Пістің ойнап чоохтааныбысха тарын тур* [7, с. 65] ‘**Посмотри-ка**, Хулатай, [моя] сестра Девушка Алып Хан / Как злится из-за наших шуток’;

в) в зависимой части предложения описывается рекомендуемый объект зрительного восприятия: *Алган кізім, Кілің Арыг, көрдек тігіні: / Тигір төзінде хара нулут сыгара чачырады* [7, с. 99] ‘[Моя] суженая, Килин Арыг, **посмотри-ка** вон туда: / На горизонте появилось чёрное облако’.

Следующий вариант выражения просьбы и мягкого побуждения оформляется аффиксом *-зең* (*көрзең* «посмотри»): *Көрзең мыны, пу айнаны, / Мындаг чаксы паланы согып тур* [7, с. 56] ‘**Посмотри** на этого чёрта, / Бьёт такого хорошего ребёнка’. *Көрзең, оол, мына хайдагзың, – тіп одыр, / Харахтыг тас көстіксер көрібіссе, / Хайдаг-хайдаг чабал тас турчададыр* [7, с. 92] ‘**Смотри**, каков ты, парень, – говорит, / Когда зрячий слуга посмотрел в зеркало, / Увидел, стоит безобразный слуга’.

Нам встретился только один пример с вводным выражением *көрчезің аны* «посмотри-ка на него...»: – *Мини тастап чөрзің! – тидір, / – Көрчезің аны: / Харагы чох позымны тастап, ойлап тур* [7, с. 83] ‘[Ты] бросаешь меня! – говорит, – **Посмотри-ка на него**: / [Он] убегает, бросая меня, незрячего’. Обычно такие конструкции используются для привлечения внимания присутствующих свидетелей. Но их не следует рассматривать как «непосредственное обращение к присутствующим (конкретным или обобщённым адресатам), поскольку говорящий не ожидает от них ответной реакции. Наиболее актуальным здесь является выражение характеристики и оценки определённого социативного объекта. А семантика одобрения или негативного утверждения (осуждения) подобных высказываний определяется контекстом» [17, с. 80].

Так же в императивном высказывании глагол **көр-** «смотреть; видеть» выражает строгий и настойчивый наказ с оттенком категоричности: *Ўзүт Арыг ічеңні тудып алзаң, / Минің чоогым ис, көр, чир дее өдірбессің* [7, с. 114] ‘Когда встретишь [свою] маму Узут Арыг, / [Ты] слушайся меня, **смотри**, не убивай её’. Императивная форма рассматриваемого глагола *көр!* «смотри!» теряет свое основное визуальное значение и используется для привлечения внимания адресата. «Дополнительным оттенком таких высказываний является также интонация, рассчитанная на

то, чтоб заставить адресата обратить особое внимание на положение дел и помнить об этом» [17, с. 81].

В героическом сказании «Албынчы» глагол **көрін-** «видно; виднеться», образованный от **көр-** «смотреть; видеть» при помощи аффикса возвратного залога *-ін-*, используется только в двух случаях:

а) если взору богатыря доступны открытые, обширные территории (например, степи): *Tigir tözi ыраххы чирге / Читіре харап турадыр. / Харахтың оды читкен чир, / Харалып, сиіліп көрінчедедір, / Харахтың оды читпеен чирге, / Ах тубан, көк тубан ораалчададыр* [7, с. 17] ‘Смотрит до далеко лежащего горизонта. / Всё, что видно вдалеке / Чернеет, / А то, что не видно вдалеке / Покрыто белым и синим туманом’. *Харахтың оды читкен чирлер, / Харалып, сиіліп көрінчедедір, / Харахтың оды читпеен чирлер / Ах тубан, көк тубан ораалып көрінчедедір* [7, с. 11] ‘Места, доступные глазам, (букв. места, куда достаёт зрение), / Чернея, **видны** на горизонте, / Места, недоступные глазам, / Видны, как будто покрыты белым и синим туманом’;

б) если богатырь обозревает конкретный объект, расположенный на большом расстоянии: *Хан Мирген көрінчесте, / Хайзы-хайзы чирде / Аргалыг ах сын көрін турадыр, / Хан поэырах ат ол чирге читіре ойлаан* [7, с. 43] ‘Хан Мирген видит, / Далеко-далеко / **Виден** высокий белый хребет. Богатырский рыжий конь поскакал туда’. *Хайзы-хайзы чирде / Төңіс талай суғ <...>, / Анда, чылтырап, көрінчедедір* [7, с. 70] ‘Где-то далеко-далеко / **Видна**, отражая блеск, / Широкая большая река’. В этих примерах детализируется дальность расположения объекта зрительного восприятия: широкая большая река и дальний горизонт.

Глагол **көр-** «смотреть; видеть», как и в других тюркских языках, в силу своей частотности, может развивать и переносные значения, что отразилось и на материале исследуемого героического сказания. Анализ нашего материала показал следующие переносные компоненты в семантической структуре данного глагола:

а) «догадываться»: *Албынчы көр турза, / Ай Мирген угаа чахсы, / Ах сагыстыг кізі осхас* [7, с. 78] ‘Албынчы **показалось**, / Ай Мирген очень хороший, / Чистосердечный человек’;

б) «решать»: – *Эк, иркем-кинчем, Хан Чачах, / Чарир ба, чарабас па нимені / Хайди көрербіс, – тіпче Кілің Арыг* [7, с. 101] ‘Эк, душа моя, Хан Чачах, / Можно ли это [делать] или нельзя / **Посмотрим** [решим]’;

в) «заботиться»: *Хан Чібек Арыг алынча ах өрге тургызып, / Ікі оолны анда көрін, азырап-чададыр* [7, с. 64] ‘Хан Чибек Арыг, поставив отдельно белые юрты, / Там **заботится** о них’;

г) «встречать»: *Мынча чыыл парган алыптар, / Хулатайны кем көрген, / Көрген кізі пар полза – табырах сөлебіс* [7, с. 44] ‘(Так много) собравшиеся богатыри, / Кто **встречал** (букв. видел) Хулатая, / Если кто-то его **встречал**, отзовитесь быстрее’;

д) «родить»: – *Ай Арыг аның абахайы / Хараагы тўн полганда, / Синніг нименің сині чидіп, / Тустыг нименің тузы чидіп, / Ала маңыс хыс пала көрінібіскен* [7, с. 17] ‘Его красавица Ай Арыг, / Когда наступила тёмная ночь, / Ведь всё происходит своевременно, / **Родила** белолицую девочку’. *Иней – хурайлар чыыл килген / – Ызўт Арыг көрінібіскен: / Ала маңыс оол пала* [7, с. 51] ‘Старики собрались / Узут Арыг **родила**: / Белолицый мальчик’. Значение «родить» реализуется в случае присоединения к глаголу **көр-** «смотреть; видеть» показателя возвратного залога *-ін-*: **көрін-**. Базовые перцептивные глаголы во всех языках являются многозначными, однако контекст позволяет им максимально точно отразить все оттенки восприятия.

Употребление глагола **көр-** «смотреть; видеть» в значении «пробовать» – частое, зафиксированное в словарях, явление как в хакасском, так и в других тюркских языках. В данном случае он выступает вторым компонентом в аналитическом образовании, при этом теряет своё основное значение. Действие, совершаемое человеком или другим живым существом для пробы, может обозначаться любым антропоцентричным глаголом. В тексте героического сказания «Албынчы» все действия, обозначаемые этими глаголами, относятся к коммуникативной сфере персонажей. В частности, эти сложные глаголы формируют обращения к собеседнику с целью побуждения к какому-либо действию. Форма повелительного наклонения второго лица и единственного числа характеризуются отсутствием аффиксов: *Іченің анишн үлезерге килдім, / Айланып сых көр амды!* [7, с. 106] ‘Я пришёл делить богатство матери. Теперь **попробуй выйди!**’. *Син, харахтыг кізі, пар, / Хатыңның сыйыгын көр көр* [7, с. 91] ‘Ты, зрячий человек,

посмотри-ка на подарок жены'. *Харахтыг кізі, син пурун көдир көр* [7, с. 84] 'Зрячий человек, сперва ты **попробуй подними**'. *Че, харахтыг тазым, син ат көр* [7, с. 85] 'Ну, [мой] зрячий слуга, ты **попробуй стрельни**'.

Глаголы с **көр-** в значении «пробовать» в высказываниях героев, оформленных прямой речью, могут принимать аффиксы будущего времени и первого или второго лица. *Че, Харахтыг тазым, арға-мөрйі пісти полды, / Ханзар-нигзер пар көрең, / Алтын Арыг хызын хайзыбысха тирчең, сур көрербіс* [7, с. 89] 'Ну, [мой] зрячий слуга, мы победили на состязании, / Давай **попробуем пойти** к хану, / И **попробуем спросить**, кому-то из нас отдаст ли свою дочь Алтын Арыг'. *Че, Чил Хара Хызым, улуг аалга инип, Улуг той ит көрең* [7, с. 85] 'Ну, [моя] Чил Хара Хыс, давай пойдём в селение и **попробуем устроить** пир'. Актуальный смысл таких предложений содержит побуждение адресата к какому-либо совместному действию. Как видим, все сложные глаголы с **көр-** в значении «пробовать» используются в высказываниях персонажей героического сказания, формируя прямую речь. Исключение составляет только один пример, где сложный глагол **тут көр-** «потрогать; попробовать подержать» с аффиксом условного наклонения *-зе* замыкает придаточную часть сложноподчинённого предложения: *Аннаң айланым, Албынчы / Алган кізізі Кілің Арыгны тут көрзе – өліп партыр* [7, с. 105] 'Вернувшись, Албынчы / **Потрогал** [свою жену] Килин Арыг, а она умерла, оказывается'.

Отрицательный аспект процесса/действия в хакасском языке обозначается рядом грамматических средств. В тексте героического сказания отсутствие возможности видеть окружающий мир обозначается при помощи:

а) аффикса отрицания *-ба/бе*. Как отмечает М. И. Черемисина, этот аффикс, единственный (со всеми своими закономерными морфонологическими вариантами), встраивается в глагольную словоформу в позиции перед аффиксами времени – наклонения, начиная собою цепочку позиций, принадлежащих словоизменительным грамматическим категориям [18, с. 3]: *Көрбеен саринаң Хан Мирген, / Харагына түкүрік сүрткелп, / Харагын хызарта чыс турадыр* [7, с. 46] 'Хан Мирген, **пока никто не видел**, / Помазав слюнями глаза, / Протирает их докрасна'. *Кізі көрбеен саринаң хан поэраха атты / Азахнаң холтыхти тепкелп, / Хылчыгастап тагып парадыр* [7, с. 43] 'Тайком, **пока никто не видит**, / По бокам сдавливают ногами / И пинает коня';

б) аффикса отрицания при деепричастном компоненте сложного глагола. *Хулатай, изірігі улуг – көрбин халган, / Албынчы Ызүт Арыг ічезін, хаап, / Сөзіріп, сыгар парыбысхан* [7, с. 118] 'Хулатай был сильно пьян и **не увидел**, / Как Албынчы схватив [свою] мать Узут Арыг, / Поволок на улицу'. *Чуртир пістің чирібіс хара хайаның істінде, / Айның-күннің чарыгын көрбеспіс, / Хадарган малның агын-сагын чібеспіс, / Хара настыг чонның харагын көрбеспіс* [7, с. 87] '[Наша] земля, где мы будем жить, внутри чёрной скалы, / [Мы] не увидим свет солнца и луны, / **Не увидим** глаз черноволосого народа'. *Хан Миргеннің ікі хараана / Ниме көрінмин одырадыр, / Ікі хулахха ниме истілбин одырадыр* [7, с. 45] 'Хан Мирген ничего **не видит** (букв. в [его] два глаза ничего **не видно**), / Ничего не слышит (букв. в [его] два уха ничего не слышно)';

в) аффикса отрицания, встроенного в структуру второго (вспомогательного) компонента глагольной словоформы: *Хулатай, турып, ах өрге ибдең сыгып килді, / Чарых Кёок туңмазын көртәппин тур* [7, с. 29] 'Хулатай встал и вышел из белой ханской юрты, / **Не может найти** (взглядом) [свою] сестрѐнку Чарых Коок'. *Ала харахтаң ниме көр таппин, / Аран-чула хан поэраха аттың / Чар полган ахсын чайхабысхан, / Чазы полган пухта хамчы салыбысхан* [7, с. 38] '[Он] ничего **не смог увидеть**, / И, натянув узда рыжего богатырского коня, / дѐрнул плетью его бока'. *Төңіс талай сугны пір хыринаң / Пір хырина читіре көр полбады ікі алып* [7, с. 70] 'Два богатыря **не смогли увидеть** / Края большой широкой реки';

г) формы именного отрицания: *Чиріс Мёке чидіп килзе, / Аны көрчең ікі хараам / Чогул нога минің* [7, с. 88] 'Когда Чирис Моке доберѐтся [до нас], / У меня **нет зрения** (букв. нет двух глаз), / Чтоб увидеть его'. *Харагы чох тас / Сурынганына көрбеен, / Алданганына хайбаан, / Ай чалбагы молаттың төзін сөгө тартып, / Окпе-чүрегін кизе сапхан* [7, с. 89] '**Незрячий** слуга / **Не обратил внимания** (букв. не видел) на [его] просьбу, / Топором, похожим на луну, / Отрубил [его] внутренности (букв. сердце-лѐгкие)'. Когнитивной моделью недоступности или невозможности зрительного восприятия могут быть дальность расстояния между субъектом и объектом, какая-либо физическая преграда, субъективный фактор отключения внимания субъекта.

Второй глагол, встречающийся в тексте героического сказания, – **хара-** в соответствующих фонетических вариантах функционирует во всех тюркских языках и в монгольском языке. Более подробно семантические особенности данного общетюркского глагола описаны в монографии М. Д. Чертыковой [17]. В Хакасско-русском словаре семантическая структура хакасского глагола **хара-** представлена таким образом: «1) пристально смотреть, всматриваться; *тигір харирга* всматриваться в небо; 2) обозревать *что-л.*; *ыраххы чазыны харирга* обозревать далёкую степь; 3) обращать внимание, (издали) наблюдать; присматривать, смотреть за кем-л.; *пала харап одырарга* присматривать за детьми; *мал харап чөрерге* смотреть за скотом; $\diamond$ *чир харирга* опустить (понуричь голову)» [10, с. 813]. В тексте героического сказания данный глагол употребляется в сочетании с базовым глаголом **көр-** «смотреть; видеть». Принимая деепричастный аффикс *-п*, глагол **хара-** выполняет роль, характеризующую процесс зрительного восприятия, а глагол **көр-** принимает на себя основную смысловую нагрузку. Надо отметить, аналогичное явление в среде перцептивных глаголов встречается и в других тюркских языках, например, в тувинском языке глаголы **бакы-** и **көөр-**: *бакылаар, бакылап көөр* «выглянуть (посмотреть откуда-либо); выглянуть из окна *соңгадан бакылап көөр*» [19, с. 96]; в якутском языке *быгылааа-многокр. от бык-*; *быгылаан көр-* «выглядывать»; **быгыахтаа-** *разд.-кратн. от бык-* «высовываться, выглядывать (*поминутно или то тут, то там*)» [20, с. 91]. С. А. Моисеева пишет: «Синкретизм лексем и вторичную сигнификацию порождает обработка сигнала от внешнего мира, которая проходит с одновременным участием нескольких каналов, ведущих к различным рецепторам в мозгу, следствием чего является переход от одного сенсорного модуса к другому или их совмещение» [21, с. 41]. Характерная смысловая специфика употребления указанного синкретичного образования в героическом сказании «Албынчы» состоит в следующем:

а) субъект (богатырь/богатырша) смотрит (озирается) с возвышенного места: *Тастыг сынның үстүне / Сыгып килген Хан Мирген. / Харан, көрүп турадыр* [7, с. 33] ‘Хан Мирген поднялся / На скалистый хребет. / Смотрит, высматривая вокруг’. *Ноо-да чирге сабылганда, / Хара сынның үстүне сыгара ойлап, / Харан-көрүп турубысыхан* [7, с. 116] ‘Добравшись до неизвестной земли, / Забежав на вершину чёрного холма, / [Он] стоял, озираясь’;

б) перед субъектом простирается обширный, необъятный простор: *Хан Мирген аархы сари хырин харан көр тур* [7, с. 39] ‘Хан Мирген смотрит, (высматривая) дальнюю даль’. *Тилекейде чирнің үстүн, / Тиксіхаран, көрүп турупчададыр* [7, с. 26] ‘Стоит (высматривая) смотрит, / Всё, что лежит кругом’. *Харахча сыхханда, түзүп, / Аархы сарин харан көр турлар: / Ах талай суг хазы чирде / Алтын Ханның чурты чадыр* [7, с. 79] ‘[Они] (высматривая) смотрят дальнюю сторону, / Насколько хватает зоркости [их] глаз, / На берегу большой белой реки / Стоит юрта Алтын Хана’;

в) субъект с возвышенности осматривает конкретный объект (селение, степь): *Хан Мирген улуг аалны харан көр турадыр* [7, с. 45] ‘Хан Мирген стоит и смотрит (осматривая) большую деревню’. *Хара хула ат тура түскен. / Аархы сарин Хулатай харан көр турадыр, / Ах чазы хуба сөл анда турупчададыр* [7, с. 48] ‘Вороной конь остановился. / Хулатай высматривает дальнюю даль, / Там лежит белая безжизненная степь’;

г) субъект осматривает объект с относительно близкого расстояния: *Чогар көрүп харабысса, / Ат назынча арыг көк хус көдіріл пари* [7, с. 29] ‘И он посмотрел наверх, / А там кукушка размером с голову коня поднимается вверх’. *Кілің Арыг, айланп, аны көрүп-харан тур. / Анаң айлан килзе, алып ах пүүр чогул* [7, с. 99] ‘Килин Арыг, отвернувшись, стоит оглядываясь – озираясь. / А когда повернулась, [смотрит], белого богатырского волка уже нет’.

Исключение составляет только один пример, где глагол **хара-** употребляется самостоятельно, не сочетаясь с глаголом **көр-** «смотреть; видеть»: *Хан Мирген аттың ахсын тартыбысыхан, / Аархы сарин харан турубысыхан* [7, с. 43] ‘Хан Мирген натянул узды коня, / Стоит и смотрит вдаль’. В следующем предложении глаголы **хара-** и **көр-** расположены по принципу параллелизма, что способствует созданию выразительного поэтического образа: *Аттың ахсын тохтада тартып, / Аархы сарин харан турадыр. / Тилекейде чирнің үстүн / Тиксі ибیره көрүп турадыр. / Тигір төзіне читіре / Харан-көрүп турадыр* [7, с. 11] ‘Натягивая узду, остановил коня, / И высматривает дальнюю сторону. / Рассматривает всё, что лежит вокруг. / Высматривает до самого горизонта’.

В тексте героического сказания «Албынчы» часты употребления глагола **көр-** «смотреть; видеть» в изъявительном наклонении, обозначающем «реальное, с точки зрения говорящего лица, действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему времени» [15, с. 200]. [Алтын Кёок хыс] *Көп инеліп мыны көрген, / Көрген харагын чызыныбысхан* [7, с. 14] «[Девушка Алтын Коок], пережила (букв. видела) много страданий, / Вытерла [свои] глаза, (которыми видела)». *Хулатай усхунып, харагынкөрібіскен* [7, с. 67] «Хулатай, проснувшись, **открыл глаза** (букв. посмотрел глазами)». *Хан Чачах хыс холына алып көрдү / Алтын меспекнең ах хуу тайахты* [7, с. 102] «Алтын Чачах, взяв в руки, **посмотрела** / Белую трость и золотой мяч».

Для фольклорных текстов характерны употребления сложных глаголов, образованных при помощи вспомогательного глагола **тур-** «стоять», который, утратив своё основное значение, выполняет чисто грамматическую функцию длительности настоящего времени. *Хулатай көр тур:* / *Үс азахтыг хара ниш турча* [7, с. 49] «**Смотрит** Хулатай: стоит трёхногая чёрная кобылица». *Сүмекчін көр тур:* *пірсі угаа сіліг алып, / Алтын-күмүс осхас састыг, / Трапча күмүс тыргахтыг* [7, с. 93] «Слуга **видит** один из них очень красивый богатырь, / Волосы как золото-серебро, / Ногти отливают серебром». В составе данного сложного глагола **көр тур-** «смотрит; видит» выпал деепричастный аффикс *-in* первого компонента **көр(in) тур-**, но иногда он сохраняется: *Хулатай хыс палазар, аба чили, / Алаңнада көрiп тур, / Пүүр чили, пөлөрте көрiп одырадыр* [7, с. 63] «Хулатай **смотрит** на девушку, / Растерянно, как медведь, / Смотрит отрешённо, как волк». *Хулатай улуг аалны көрiп тур* [7, с. 62] «Хулатай **смотрит** на большую деревню». Глаголу **көр(in) тур-** синонимичен по продолжительности действия глагол **көрiп одыр-**: *Хара книга сыгарып алды, / Столга агылып, ойда тастап, / Алып Хан Хыс көрiп одыр* [7, с. 68] «Девушка Алып Хан, вытащив чёрную книгу, / Принесла и положила на стол, / Затем **смотрит**».

Глагол **көр тур-** может принимать аффикс *-гле-*, указывающий на то, что действие совершается несколькими субъектами: *Ах өрге ибдең прайзы сыххлап килди, / Хан Миргенни көрглен турлар. / Хан Мирген, алыптарны көре, ойлат килир, / Хан поэрах аттың үстүнде* [7, с. 44] «Все вышли из белой ханской юрты, / **Высматривают** Хан Миргена. / Хан Мирген скачет в сторону богатырей, / Верхом на рыжем коне». Надо отметить, что это один из немногих примеров, где в роли субъекта выступают несколько богатырей.

Иногда сложный глагол **көр тур-** «смотрит; видит» осложняется показателем настоящего времени *-адыр*, выражающего продолжительное действие (**көр турадыр**): *Ирнiң күлүгi Албынчы, / Алтын хаалхазын азып, / Хогдайта көр турадыр* [7, с. 106] «Мужчина – молодец Албынчы, / Открыв [свои] золотые ворота, / **Осматривает** окрестности свысока». *Алтын Кёок хыс күлүгi, / Ибіре пастырып, көр турадыр:* *Ададаң пірге сыххан Хулатай абазы / Чалбай турган чирнiң үстүн / Көп айландыра чөрiптiр* [7, с. 14] «Красавица Алтын Коок / Вокруг ходит и **видит**: / Единоутробный брат (букв. от отца совместно вышедший) Хулатай / Всю необъятную землю / Обходил много раз, оказывается». *Хочын Арыг Тас оолахты тобыра көр турадыр:* *Тас оолах тiп көрзе, Тас оолах нимес осхас, / Нимес тiп көрзе, Тас оолах осхас полды* [7, с. 116] «Хочын Арыг внимательно **смотрит** на Тас оолах: / Если на него смотреть как на Тас оолах, то [кажется] не похож на Тас оолах, / Если смотреть на него не как Тас оолах, то [кажется] похож на Тас оолах».

Относительно глагольных форм настоящего времени *-адыр*; *-чададыр*, характерных в основном для произведений хакасского устного народного творчества, мы согласны с мнением исследователей о том, что они используются сказителями в целях благозвучности текста [22 и др.]. Также, на наш взгляд, права в своём высказывании об этих формах Т. Г. Тачеева: «... в языке сказителей – кызыльцев, особенно С. П. Кадышева, они несут определённую, смысловую и звуковую нагрузку. Стихи, заканчивающиеся этими глаголами, в зачине чередуются приблизительно через три строки. Многократное повторение этих глаголов со значением постоянства и длительности как бы подчёркивает вечность природы, её постоянную деятельность. И это особенно сильно звучит в Кадышевском исполнении. О горных реках, *тасхылах*¹, лесах, о кочующих по небу облаках, о рыбах, населяющих озёра, сказитель рассказывает почти с физическим ощущением их жизни и деятельности» [6, с. 209].

¹ высокая гора

Также в героическом сказании «Албынчы» для выражения различных аспектуальных оттенков процесса зрительного восприятия используются и другие сложные глаголы, образованные путём сочетания глагола **көр-** «смотреть; видеть» с вспомогательными глаголами, например:

көріп тап- «увидеть»: *Хайзы-хайзы ыраххы чирде / Чир аргазы хара сыны / Көріп тапты Хан Мирген* [7, с. 39] ‘В далёкой дали / Хан Мирген **высмотрел** / Опоясывающий землю чёрный хребет’. *Кирім сынның үстүнде турып, / Ала харахтың одынаң / Пір дее ниме көріп таппады* [7, с. 11] ‘Стоя на горе Кирил, / [Своими] глазами (букв. зрением [своих] глаз) / Ничего **не смог увидеть**’;

көр сал- «увидеть»: *Кир палых олген ах палыхты көр салды* [7, с. 71] ‘Огромная рыба **увидела** мёртвую белую рыбу’. *Кир палых көр салды, танып полбин тур: / Оліг тізе, тіріг осхас, / Тіріг тізе, өліг осхас* [7, с. 72] ‘Огромная рыба **увидела**, но не может понять: / Если она мёртвая, то кажется живой, / Если она живая, то кажется мёртвой’. *Алып Хан Хыс Хан Чачах палазын көр салды* [7, с. 104] ‘Алып Хан Хыс **увидела** свою дочь Хан Чачах’;

көрді полар- «наверно увидел»: *Анча чыылган алыптарда / Пірее дее алып / Хулатайны көрді полар* [7, с. 42] ‘Сред столь собравшихся богатырей / **Наверно** есть тот, / Кто **видел** Хулатая’;

көріп ал- «посмотреть»: – *Хайди пол парар көргеннең, – тидір Хан Чачах, / – Көріп алзабыс, сал саларбыс орнына* [7, с. 102] ‘Что из того, что мы посмотрим, – говорит Хан Чачах, / Когда **посмотрим**, положим на место’.

Таким образом, синтетические и аналитические формы глагола **көр-** «смотреть; видеть», находящиеся между собой в отношениях производности, выражают различные контекстные процессы и ситуации зрительного восприятия.

Заключение

Язык героического эпоса сложный и своеобразный, поскольку в нём переплетаются художественные, когнитивные, поэтические, языковые особенности. Передаваясь из поколения в поколение, он шлифуется, вырабатывает свои грамматические и семантико-синтагматические модели. В этом плане хакасское героическое сказание «Албынчы» не исключение. Одним из ярких и загадочных явлений в словесном содержании данного героического сказания мы считаем тот факт, что при его богатейшем и обширном словарном запасе процесс зрительного восприятия обозначается только одним глаголом **көр-** «смотреть; видеть». Также очень редко используется другой дифференцированный перцептивный глагол **хара-**, и то в сочетании с глаголом **көр-** «смотреть; видеть». При этом глагол **хара-** выполняет характеризующую роль, а глагол **көр-** принимает на себя основную смысловую нагрузку. В хакасском языке имеются и другие глаголы со значением зрительного восприятия. По нашим подсчётам, их всего 10 лексических единиц [23]. Однако из них в исследуемом тексте используются только два названные глагола, обеспечивающие все необходимые аспекты богатырского видения мира.

Широта и объёмность содержания хакасского базового глагола со значением зрительного восприятия **көр-** «смотреть; видеть» выражается в его семантических и синтаксических особенностях:

а) реализация в качестве связующего звена между главным и придаточным (зависимым) частями предложения в форме условного наклонения на *-са*. При этом глагол **көр-** «смотреть; видеть» передаёт зрительное восприятие относительно настоящего времени, не являясь условием;

б) употребление в роли деепричастия, связывающего главную и зависимую части сложно-подчинённого предложения, может указывать на то, что описываемые в них действия происходят одновременно, а также увиденное может быть источником определённого психического состояния богатыря или же совершению им каких-либо действий;

в) употребление в императивной форме, как составной части речевой коммуникации богатырей, выражающей смягчённое побуждение, приказание или настойчивую просьбу, наказ;

г) употребление в переносных значениях: «догадываться», «решать», «заботиться», «встречать», «родить», «пробовать»;

д) реализация отрицательного аспекта зрительного восприятия при помощи грамматических средств. Когнитивной моделью недоступности или невозможности зрительного

восприятия могут быть дальность расстояния между субъектом и объектом, какая-либо физическая преграда, субъективный фактор отключения внимания субъекта;

е) сочетание с другим глаголом со значением зрительного восприятия **хара-**, принимающим характеризующую роль;

ж) сочетание с вспомогательными глаголами **тур-** «стоять», **тап-** «находить», **сал-** «класть», **пол-** «быть», **ал-** «брать», указывающими в семантике сложного глагола различные аспекты зрительного восприятия;

з) названные и другие элементы в семантике и сочетаемости глагола **кӧр-** «смотреть; видеть», богатство его грамматического потенциала показывают различные перцептивные процессы и контекстные ситуации, связанные с видением мира богатырей. Также способность обеспечить всё необходимое когнитивное представление о восприятии окружающего мира во всём его многообразии свидетельствует о доминирующем характере базового глагола **кӧр-** «смотреть; видеть» не только в хакасском литературном, но и фольклорном языке.

Литература

1. Бобунова М. А., Праведников С. П., Хроленко А. Т. Проблемы фольклорной диалектологии. – Курск : Изд-во КГПУ, 2003. – 72 с.
2. Венгранович М. А. Стилистика фольклорного текста : учебное пособие. – Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2011. – 266 с.
3. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : Избранные статьи. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры. 1976. – 326 с.
4. Майногашева В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи» // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 4. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1956. – С. 78-89.
5. Албынжи. Хакасское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев ; литер. пер. И. С. Кычакова. – Абакан : Хакасское областное гос. изд-во, 1951. – 112 с. (На хакасском и русс. яз.).
6. Тачеева Т. Г. Хакасский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения) // Учёные записки. Вып. 11. – Абакан : Красноярское кн. изд-во. Хакасское отделение, 1965. – С. 186-217.
7. Албынчы. Алыптыг нымах (героическое сказание) / Сказитель С. П. Кадышев ; зап. Д. И. Чанков. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2018. – 126 с. (На хакасском яз.).
8. Севортян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 16-22.
9. Чертыкова М. Д. Хакасская лексема *харах* «глаз; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека // Теоретическая и прикладная лингвистика Амурского государственного университета. – 2019. – № 5 (4). – С. 140-151.
10. Хакасско-русский словарь : Хакас – орыс сӧстиги : около 22 тыс. слов / Под общей ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
12. Шамина Л. А. Условные конструкции в тувинском языке // Грамматические исследования по тюркским языкам : сб. науч. ст. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1988. – С. 95-103.
13. Черемисина М. И. Управление как класс синтаксических связей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2013. – № 1. – С. 4-29.
14. Ефремов Н. Н. Отношения обусловленности в якутском языке : целевые конструкции // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 98-104.
15. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. – 420 с.
16. Каксин А. Д. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка // Филология и человек. – 2017. – № 3. – С. 163-171.
17. Чертыкова М. Д. Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках. – Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. – 160 с.

18. Черемисина М. И. Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 1996. – Вып. 3. – С. 3-40.
19. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – 646 с.
20. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – 568 с.
21. Моисеева С. А. Особенности полисемии глаголов восприятия (на материале западно-романских языков) // Научные ведомости БелГУ. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 39-49.
22. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2007. – 182 с.
23. Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности) : учебно-методический комплекс по дисциплине : словарь-справочник. – Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. – 172 с.

References

1. Bobunova M. A., Pravednikov S. P., Khrolenko A. T. *Problemy fol'klornoi dialektologii* [Problems of folklore dialectology]. Kursk, Izd-vo KGPU, 2003, 72 p. (In Russ.).
2. Vengranovich M. A. *Stilistika fol'klornogo teksta: uchebnoe posobie* [The style of folklore text: a tutorial]. Tolyatti, Tol'yattinskii gos. un-t, 2011, 266 p. (In Russ.).
3. Propp V. Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i* [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1976, 326 p. (In Russ.).
4. Mainogasheva V. E. *O narodnosti osnovy geroicheskogo skazaniya "Albynzhi"* [On the nationality of the foundations of the heroic legend "Albynzhi"]. In: *Uchenye zapiski KhakNIIYaLI. Vyp. 4* [Scientific notes of KhakSRILL. Iss. 4]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 1956, pp. 78-89. (In Russ.).
5. *Albynzhy. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi. Khakas heroic legend]. Skazitel' S. P. Kadyshev; liter. per. I. S. Kychakova. Abakan, Khakasskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1951, 112 p. (In Khakas and Russ.).
6. Tacheeva T. G. *Khakasskii khaidzhi S. P. Kadyshev (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Khakas *khajji* S. P. Kadyshev (to the 80th anniversary)]. In: *Uchenye zapiski. Vyp. 11* [Scientific notes. Iss. 11]. Abakan, Krasnoyarskoe kn. izd-vo. Khakasskoe otdelenie, 1965, pp. 186-217. (In Russ.).
7. *Albynzhy. Alyptyg nymakh (geroicheskoe skazanie)* [Albynzhi. Heroic legend]. Skazitel' S. P. Kadyshev; zap. D. I. Chankov. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2018, 126 p. (In Khakas).
8. Sevortyan E. V. *Kategoriya skazuemosti* [Predictability Category]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya* [Studies on the comparative grammar of Turkic languages. Part 2. Morphology]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, pp. 16-22. (In Russ.).
9. Chertykova M. D. *Khakasskaya leksema kharakh "glaz; glaza" kak oposreduyushchee zveno mezhdu telesnoi i dukhovnoi prirodoy cheloveka* [Khakas token *harah* "eye; eyes" as a mediating link between the bodily and spiritual nature of man]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Theoretical and Applied Linguistics of the Amur State University]. 2019, No. 5(4), pp. 140-151. (In Russ.).
10. *Khakassko-russkii slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Khakas – orys söstigi. Pod obshchei red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.
11. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969, 676 p.
12. Shamina L. A. *Uslovnye konstruksii v tuvinskom yazyke* [Conditional constructions in the Tuvan language]. In: *Grammaticheskie issledovaniya po tyurkskim yazykam: sb. nauch. st.* [Grammar studies in Turkic languages: collection of scientific articles]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 1988, pp. 95-103. (In Russ.).
13. Cheremisina M. I. *Upravlenie kak klass sintaksicheskikh svyazei* [Management as a class of syntactic links]. In: *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2013, No. 1, pp. 4-29. (In Russ.).
14. Efremov N. N. *Otnosheniya obuslovlennosti v yakutskom yazyke: tselevye konstruksii* [Conditionality relations in the Yakut language: target constructions]. In: *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector]. 2016, vol. 11, No. 3, pp. 98-104. (In Russ.).
15. *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakas language]. Pod red. N. A. Baskakova. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1975, 420 p. (In Russ.).

16. Kaksin A. D. *Glagol'noe vyrazhenie semantiki vospriyatiya v kazymskom dialekte khantyiskogo yazyka* [The verbal expression of the semantics of perception in the Kazym dialect of the Khanty language]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017, No. 3, pp. 163-171. (In Russ.).

17. Chertykova M. D. *Semantiko-kognitivnaya kharakteristika khakasskikh glagolov so znacheniem vospriyatiya i ikh leksicheskikh sootvetstviy v drugikh tyurkskikh yazykakh* [Semantic and cognitive characteristics of Khakas verbs with the meaning of perception and their lexical correspondences in other Turkic languages]. Abakan, Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2019, 160 p. (In Russ.).

18. Cheremisina M. I. *Analiticheskie sposoby vyrazheniya otsutstviya i otritsaniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri* [Analytical methods of expressing absence and negation in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. 1996, iss. 3, pp. 3-40. (In Russ.).

19. *Tuvinsko-russkii slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. Pod red. E. R. Tenisheva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1980, 646 p.

20. *Yakutsko-russkii slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Pod red. P. A. Sleptsova. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1972, 568 p.

21. Moiseeva S. A. *Osobennosti polisemii glagolov vospriyatiya (na materiale zapadno-romanskikh yazykov)* [Peculiarities of the polysemy of the verbs of perception (on the material of the West Romance languages)]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific statements of BelSU. Series: Humanitarian sciences]. 2008, No. 2, pp. 39-49. (In Russ.).

22. Subrakova O. V. *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epic]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2007, 182 p. (In Russ.).

23. Chertykova M. D. *Leksiko-semanticheskie gruppy glagolov khakasskogo yazyka (glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti): uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline: slovar'-spravochnik* [Lexical and semantic groups of verbs of the Khakas language (verbs with the meaning of mental activity): educational and methodical complex for the discipline: dictionary-reference book]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2016, 172 p. (In Russ.).